

ского посёлка только двух казаков. Пятнадцать вёрст мы сделали на прекрасных лошадях султана по дороге от Коксуйского пикета к Терсаканскому, а затем переехали в брод быструю реку Коктал и стали подниматься на Аламан. Несмотря на усилие прекрасных лошадей султана, подъём занял часа четыре. Дорога шла через скалистые ущелья вдоль ручья, падающего водопадом. Около полудня достигли мы вершины хребта у снеговой поляны, над которой ещё круто возвышалась гряда сиенитовых скал колоссальной величины, промежутки которых были наполнены крупнозернистым снегом; кругом была в полном цвету альпийская растительность алтайского типа. На вершине Аламанского хребта провёл я четыре часа за сбором растений¹, образцов горных пород и в производстве гипсометрических наблюдений, которые удались потому, что моя бутылка со спиртом, на этот раз находившаяся на попечении Адамсарта, не была выпита. Мое наблюдение дало для одной из вершин Аламана 3 000 метров. В 4 часа пополудни мы начали спускаться с Аламана по другой более прямой и более восточной дороге, по крутым обрывам, мимо ужасных пропастей. Вдоль ущелья крутые скаты поросли казачьим можжевельником (*Juniperus sabina*), ниже зоны распространения которого появилась жимолость (*Lonicera xylosteum*) и черёмуха (*Prunus padus*). Когда мы достигли половины спуска, солнце уже начинало скрываться на западе под ровным горизонтом. Адамсарт отъехал в сторону, быстро соскочил с лошади, бросился на колена, снял свою коническую шапку и, обратившись на запад, несколько минут произносил свою молитву... Уже было совершенно темно, когда мы достигли конца своего спуска и направились к своему ночлегу в аулах Адамсарта. Проскакав быстро вёрст шесть; мы увидели огни и услышали лай собак и говор встретивших нас киргизов, толпой суетившихся около большой юрты, которая как бы сама собой выходила из ряда других юрт и двигалась к нам навстречу. Когда мы вошли в юрту, расположившуюся на лугу, то нашли уже там

¹ Вот список растений, собранных мной в этот день (27 августа) в альпийской зоне Аламанского хребта. Из лютиковых (*Ranunculaceae*): *Ranunculus altaicus* и другой, уже тяньшанский, красивый и оригинальный вид листика с бело-серыми цветами, относящийся к особому роду, выделенному ботаником Мейером, — *Callianthemum alatavicum*; *Aconitum rotundifolium*; из крестоцветных: *Draba hirta*, *Chorispora songorica*; из силеновых (гвоздичных): характерный альпийский вид *Melandrium apetalum*; из сем. *Alsineae*: *Cerastium trigynum*; из бобовых: вновь открытый мной в этот день новый вид, получивший впоследствии название *Oxytropis cana* n. sp.; из сем. розоцветных (*Rosaceae*): алтайский вид *Sanguisorba alpina*, *Potentilla fragiformis*; из камнеломок (*Saxifragaceae*): *Saxifraga sibirica* и *S. flagellaris*; из сложноцветных (*Compositae*): среднеазиатский *Aster flaccidus*, альпийский *Erigeron uniflorum*, тяньшанская *Waldheimia tomentosa*; из первоцветовых (*Primulaceae*): *Androsace villosa* и *septentrionalis*; из генциан: *Gentiana falcata*, *G. aurea*, *G. prostrata* *G. frigida*; из бурачниковых (*Borragineae*): *Eritrichium villosum*; из сем. *Scrophulariaceae*: *Gymnandra borealis*; из губоцветных (*Labiatae*): *Dracosepalum peregrinum*; из лилейных: *Allium platyrrhynchum*; из осок (*Cyperaceae*): *Carex nigra*. Характер этой флоры имеет конечно большое сходство с характером растительности альпийской зоны Копальской цепи, да и всего вообще Семиреченского Алатау.